

1

Слуга ордена

Зной наконец-то уступил вечерней прохладе.

Под ногами хрустели мелкие розовые камни. Лазар шёл по садовым тропинкам, а вокруг не было ни души: храм казался вымершим, хотя тут ещё оставались башильеры, но монахи разбредались, становились тише и незаметнее, словно это могло защитить их от беды. Лазар глянул через плечо: на дне мраморного фонтана — позеленевшая вода; ухаживать за ним было некому.

Кусты разрослись и пожухли. Оббилась мозаичная кладка на стенах, окольцовывавших внутренний двор. В Хургитане властвовала колдовская болезнь, насланная кем-то из хал-азарских чародеев, — добралась и досюда.

Мор. Смертельное оружие против чужаков, отправленных своими королями уничтожать еретиков и освободить гробницу Перста Иезиля, что у города Кел-Грациф. Иофатских войск было больше прочих, поэтому мор и прозвали «иофатской чумой»: колдовская болезнь выкашивала оставленных в Хургитане захватчиков и тех, кто пособничал им, но миловала местных.

Рыцари ордена башильеров были одними из тех, кто откликнулся на зов иофатского короля, а за ними потянулась вереница других братьев: дознавателей, лекарей и проповедников. Прежние дознаватели, обосновавшие-

ся в храме в Хургитане, взялись за расследование. Вычисляя, кто сотворил болезнь, они обвинили в колдовстве десятки хал-азарцев, но костры пылали, виселицы качались, подземелья набивались людьми — а мор продолжался. Дознаватели вскоре сгорели от иофатской чумы — их кожа покрылась бурыми струпами и пожелтела вместе с белками глаз, точно песком присыпало.

Поэтому храм в Хургитане опустел. Его построили во славу хал-азарских богов, но, когда иофатские войска взяли Хургитан, храм был превращён в обитель башильеров. Кошунство, на взгляд Лазара, однако его не спрашивали, а он и не откровенничал. Сейчас до него доносились шепотки — некоторые сочли мор мезтью кровожадных восточных божеств. Болезнь выкашивала безжалостно, за пару недель, а то и быстрее: сколько таких братьев-башильеров, здоровых мужчин, через несколько дней оказывались траурно прикрытыми тканью? Пустели и занятые иофатцами крепости. Вопрос времени, когда мор долетит до военных шатров на юге и когда иофатские командоры, поняв, что один город является источником большой беды, прикажут сровнять его с землёй. Хургитан и так был оцеплен — не сбежишь; Лазар понимал — ещё немного, и их всех поглотит беда.

Лазар шёл и думал: если бы он правда был тем, за кого себя выдавал, то никогда бы здесь не оказался. Хромой и однорукий, Лазар не годился к бою, да и в лекарских шатрах ему бы нашли замену поискуснее. Он не верил, что у этой войны были благие цели, и никакой сеньор или прецептор ордена не заставлял его ехать угрозами или силой — Лазар вызвался сам. Хал-Азар лежал далеко от Вольных государств, и надзор за башильерами здесь был слабее, чем где-либо, — хорошее место, чтобы затаиться. Когда все заняты своим выживанием, никому не придёт в голову искать чародея среди собственных меченых братьев.

Так что он сунулся в кипящий котёл по своей воле.

Размышлял: ладно он — с ним всё ясно, всё равно деться некуда. В двадцать с лишним — изувеченный монах, выучившийся на лекаря, чародей, прячущийся от гнева Драга Ложи среди охотников на ведьм. А каково людям, которые собирались жить долгую счастливую жизнь?.. Все вокруг были несчастны. Хал-азарцы, на чью землю пришли чужаки. Иофатцы и савайарцы, отправленные сюда своими королями, вынужденные оставить свои семьи и выбирать между смертью на чужбине и существованием дезертира или беглеца. Были, конечно, и те, кого война пьянила, — Лазар удивлялся им, но молчал. Искусством молчания он овладел совершенно, ведь чем тише сидишь, тем меньше к тебе внимания.

С подстрекателями и миротворцами иофатская сторона не нежничала. Да и насланный хал-азарцами мор никого не делил на хороших и плохих, сочувствующих и бессердечных — Лазару казалось, что он внутри безжалостного вихря и вокруг нет ничего, кроме ненависти и ломающихся судеб, и чем дольше продолжалась война, тем становилось хуже. Разъярённые хал-азарцы теснили иофатцев, и те отступали — вот-вот вернутся к Хургитану, если от города к этому времени хоть что-то останется. Ходили слухи — одни других страшнее — о кровавых расправах, издевательствах над пленными и казнях неугодных.

Иными словами — мрак.

Лазар прошёл под резной кружевной аркой, втиснулся в узкую дверь. Зажёг оставленный у входа фонарь — мог бы колдовством, быстрым мановением руки, но у стен бывали глаза и уши, поэтому помучился с огнём. Перехватил тяжёлую кованую ручку и начал спускаться.

В подземельях пахло сыростью и мышиным помётом. Лазар не слишком хорошо видел, особенно в полутьме,

так что и мышей он услышал: пищащую возню по углам. Он отсчитал несколько каменных карманов — подземных комнат-углублений — и завернул внутрь. Неизвестно, кого или что, кроме запасов, хал-азарцы раньше держали в этих карманах, но теперь здесь сколотили клетки из чёрного железа. Там, куда зашёл Лазар, стояла всего одна клетка — Лазар приподнял фонарь и разглядел в ней женщину.

— Добрый вечер, — сказал он по хал-азарски.

Напротив клетки кособочился дознавательский стол. На нём не лежало ни бумаг, ни перьев — только куль с ножами и щипцами из чёрного железа.

Лазар опустил фонарь на столешницу. Повернул его так, чтобы свет падал на женщину, но не ослеплял её. Хотелось, чтобы она тоже его видела.

— Айше-ханым? — уточнил он. Хотя она была узницей и, по-видимому, простолюдинкой, Лазар счёл невежливым называть её без обращения «ханым» — «госпожа».

Женщина медленно, со змеиной гибкостью подседа к прутьям клетки, но ничего не ответила.

Лазар зажёт от фонаря несколько лампадок на стенах: те, в которых ещё было масло. Потушил лучину и подковылял обратно к столу. Женщина наблюдала за ним и молчала — и только когда Лазар выдвинул стул и сел, спросила:

— Ты новый дознаватель?

— Не совсем. — Лазар потеснил куль со щипцами, выложил из своей сумки кипу бумаг. — Сейчас я вместо дознавателя, но я лекарь. Ты ведь тоже лекарка, Айше-ханым?

Она смотрела на него почти не моргая. Поднялась на колени и оплела пальцами прутья клетки. Прижалась к ним лбом. Но снова не отвечала, и Лазар подумал, что это из-за его хал-азарского — может, его просто не понимали. Его речь полностью восстановилась за те шесть лет,

которые прошли с расправы Йовара, так что Лазар винил не увечья, а господарский говор.

— Ты понимаешь меня, ханым?

— Ханы-ым, — она свистяще засмеялась, наклоня голову вбок. — Ты учишься вежливости у моего народа, меченый жрец?

Лазар коротко пожал плечами:

— А разве у твоего народа нечему поучиться?

— Не надо мне льстить, — она ослабилась. — Да, я Айше Хасамин. Я живу в доме за площадью Бейгеш и лечу людей так, как до меня лечили моя мать, бабка и все женщины моей семьи. Меченые жрецы схватили меня, когда я готовила целебные мази. Они сказали, что я ведьма, выволокли меня на площадь и сорвали с меня платок.

«Хасамин» на хал-азарском означало «черноглазая».

В свете лампад и фонаря Лазар мог достаточно рассмотреть Айше. Ей было лет тридцать. Смугло-оливковая, с тёмно-каштановыми волосами до середины спины — местами они завивались колечками; её глубоко посаженные глаза и вправду были такими чёрными, что радужка сливалась со зрачком. Лазар не назвал бы её писаной красавицей — маленький лоб, крупный нос, короткие мелкие зубы, усаженные, как у хищного зверька, — но движения были плавными и гибкими, словно у танцовщицы.

— Меня зовут брат Лазар. — Он разложил записи. — Порой твои земляки называют меня Лале. Можно и так. Айше хмыкнула.

— Лалé — это женское имя.

— Лале, — исправил он и поднял глаза. — Тебя ведь уже допрашивали, верно?

Она приподняла волосы и показала ему рубец на шее сбоку. Спустила рукав рубахи-камизы, обнажая засечки над ключицами и на маленькой круглой груди с тёмным соском.

— Другие жрецы ничего не добились. — Не поправляя одежду, бросила раздражённо: — Я не боюсь вашего железа, ты видишь. Чего ты от меня хочешь?

Его она тоже наверняка не боялась, но любопытно, вызывал ли у неё страх кто-то из прежних дознавателей. Или снова — нет?

Лазар перевёл на бумаги тяжёлый взгляд.

— Оденься, ханым, — сказал он. — Я не буду тебя трогать. Я хочу с тобой говорить.

Он возненавидел себя за смущение, которое испытал при виде её тела, и за мгновенное плотское ёканье внутри. Даже несмотря на свежие шрамы, оставленные его братьями, — Лазара никогда не привлекала человеческая жестокость; но ему было двадцать три года, и сейчас в нём мало что осталось от обаятельного юноши, который без труда находил общий язык с господарскими девушками. Кто-то бы наверняка лучше справился с увечьями, монашеством и побегом из родной страны — но не Лазар.

— О чём говорить? — Айше тряхнула головой. — Меня схватили, потому что я живу без мужа и лечу людей. А ещё я грамотна. Этого достаточно для вас, чтобы обвинить меня в колдовстве. Но раз ты лекарь, то должен понимать: нельзя считать ересью всё, чего не знаешь. В моих мазях и снадобьях нет ни капли колдовства.

Красиво, оценил Лазар. Красиво и точно — башильеры часто обвиняли в колдовстве безмужних врачевательниц, имеющих дурную славу.

Он развернул записи прежних дознавателей, хотя выучил их почти наизусть, и сделал вид, что увлечён ими. На Айше поглядывал только краем глаза — та поправила камизу, укрылась.

Протоколы рассказывали о лекарке Айше из Хургитана, и по ним для любого мыслящего человека, не ослеплённого ненавистью ко всему инородному, вы-

рисовывалась простая картина: Айше исцеляла людей примочками и отварами, а не волшебной. Её не трогало чёрное железо (с пометкой: ни поверхностные слои кожи, ни глубокие), не жёг чистый огонь. Даже под давлением Айше продолжала называть себя простой потомственной врачевательницей. В её рабочих записях нельзя было разобраться, потому что, как убеждала сама Айше, она зашифровала их старым семейным способом — чтобы сохранить тайны мастерства, — но охотно сама зачитала выдержки башильерам, и достойные братья не сумели поймать её на неуверенности или лжи.

Но всё же из всех хал-азарцев, брошенных в подземелья прежними дознавателями, Лазар пришёл только к ней. Он изучил все протоколы и все записи Айше, которые только смог достать.

— Кто-то учил тебя лекарскому искусству, кроме женщин твоей семьи?

— Нет, — ответила Айше. — А тебе нравится дознавательская служба, жрец? Многих ты опросил?

По-прежнему не вчитываясь, Лазар перевернул страницу.

— Ты первая.

— О. — Айше выдохнула с усмешкой. — Надо же... — Она вальяжно высунула руки в зазор между прутьями. — Это скучное дело. Не лучше бы пойти и порадоваться солнцу, пока и тебя не пожрала хворь? Нет-нет, я не настаиваю... Мне нравится, что сейчас пришёл ты, а не тот жестокий ублюдок, что был раньше.

Она погладила одну руку о другую, приподнимая рукав и небрежно подставляя глазам Лазара запястье, предплечье и локоть.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе рассказала?

Лазар представил, как всё должно было выглядеть со стороны: — молодой башильер, играющий в дознавателя,

потому что иных дознавателей не осталось, и убедительная лекарка, сама управляющая допросом. Недаром она то посмеивалась, то скалилась и смущала — что ж. Пускай. Лазар пришёл к ней не потому, что ему требовались ответы. Нет, ему было достаточно на неё посмотреть — и если он мог увидеть больше, всего лишь раздув своё мимолётное смятение до образа неловкого простака, тем лучше.

Айше сплела пальцы, скучающе прислонилась лбом к прутьям.

— Что вообще мне нужно сделать, чтобы меня перестали обвинять в колдовстве?

— Тебя не просто обвиняют в колдовстве, ханым, — проговорил Лазар вкрадчиво. — Тебя обвиняют в том, что ты наслала мор.

Свет лампад зарябил на её лице.

— Как я могу наслать мор, если я не чародейка? — Айше слегка скривилась. — Так сказало ваше железо.

Лазар скупо улыбнулся.

— Если про чародеев-дахмарзú знает чужак вроде меня, то и ты знаешь.

Айше даже не дрогнула.

— Эта каста чародеев, — сказала она равнодушно, — обитает в пустынях. Их изгнали из общин и лишили права колдовать — за преступления против своего народа.

«Дахмарзу» значило «искупление».

— Да. — Лазар кивнул. — А ещё есть те, кто сам отрывает от своей души лоскут с колдовским умением, чтобы не попасться чужакам с чёрным железом.

Он постучал пальцами по столешнице.

— Я знаю это, ханым. — Чуть подался вперёд. — И я знаю, что ты — дахмарзу.

Сказал — и впился в неё взглядом.

Повисла тишина. Только пламя трещало в лампадах.

— Ты говоришь глупости. — Айше осторожно вернула руки в клетку и вновь поднялась на колени. Она оттолкнулась от прутьев и прильнула к ним опять — с медовой улыбкой и змеиным изяществом. — Так можно обвинить любого. Посмотри: я обычная женщина.

Она прижалась к прутьям ещё теснее, грудью и животом. Склонила голову набок: волосы соскользнули, обнажая шею.

— Я просто глупая хал-азарка, которая хочет выйти на волю. — Снова игриво отдалилась, цепляясь за прутья выпрямленными руками. — А чего хочешь ты?

Надо же, подумал Лазар. Он предполагал, что Айше Хасамин — выдающаяся чародейка, и если это она наслала мор, то она яростно ненавидела любых чужаков, пришедших на её землю, — Лазар не мог её за это осуждать. Но сейчас она так притворялась насмешливой и благосклонной, надеясь соблазнить его и получить свободу (хотя наверняка один его башильерский вид вызывал у неё тошноту), что Лазар позавидовал её мастерству. Ему бы так преуспеть в притворстве! Не переживал бы, что разоблачат.

— Перестань. — Лазар посмотрел ей в глаза. — Я понимаю, что такой чародейки, как ты, не сыскать не то что в Хургитане — во всей округе. Нужно быть исключительной, чтобы превратить себя в дахмарзу и сотворить мор. Мне жаль, что сейчас ты вынуждена вести себя... так. — Он пододвинул к себе записи Айше. — Но не стоит. Хотя бы из уважения к своему искусству.

Айше замерла.

Её лицо словно окаменело.

— Как ты сказал? — Она сощурилась. — Искусству?

Лазар сделал вид, что пропустил это мимо ушей. Прочистил горло. За три года в Хал-Азаре он научился сносно обращаться с языком — читал хал-азарские тексты, говорил с местными, — но всё же до свободного владения ему было далеко. Поэтому свою обвинительную речь он